

Павел Комарницкий

Загадка

Павел Комарницкий

Загадка

«Автор»

Комарницкий П. С.

Загадка / П. С. Комарницкий — «Автор»,

Много тысячелетий жили в ледниковой Европе неандертальцы, пока не пришли на их земли наши предки. Исход борьбы двух разумных видов очевиден – на Земле останется только один... Совместная испано-российская археологическая экспедиция обнаруживает древнее захоронение неандертальцев, возможно, самых последних на планете. Что чувствовали они перед смертью, о чём думали? Почему один из древних людей захоронен отдельно от остальных? Загадка кажется неразрешимой...

© Комарницкий П. С.

© Автор

Павел Комарницкий

Загадка

– ...Сеньор Алекс, сеньор Алекс, там... сеньор Алекс, мы нашли!

– Что нашли, Люсия? – вопрошаемый, высокий худой мужчина лет за пятьдесят, сидящий на плоском камне, спрятал в карман записную книжку, невольно любуясь девушкой – чуть запыхавшаяся, раздумывавшаяся от быстрого шага, смуглая, черноволосая и черноглазая Люсия была сей момент чудо как хороша.

– Я, конечно, не профессор – Люсия сдула со лба растрепавшуюся челку – но по-моему, это стоянка неандертальцев. С захоронениями, сеньор Алекс!

– Ну! – профессор вскочил, выказав несколько неожиданную для его лет прыть, и широким быстрым шагом двинулся в гору, на ходу отклоняя ветви кустов, буйно разросшихся вдоль еле приметной тропки. Девушка едва поспевала за ним – Сеньор Чавес на раскопе?

– Разумеется, сеньор Алекс, это сеньор Чавес и углядел. Мы бы прохлопали, правда!

...Совместная российско-испанская археологическая экспедиция работала в западных отрогах Кантабрийских гор уже третий месяц, но результаты были мизерными: обломанный наконечник копья, расколотый кремневый желвак да пара расщепленных костей, принадлежавших древним родственникам современных вездесущих испанских коз – вот и вся добыча. Средства, отпущенные на экспедицию, стремительно таяли, да и занятия в университете должны были начаться буквально на днях, и руководитель экспедиции профессор археологии Педро Чавес давно свернул бы поиски, будь результаты хоть чуть значительнее. Но возвращаться с абсолютно пустыми руками гордый потомок конкистадоров позволить себе никак не мог. К тому же в экспедиции участвовал русский профессор Алексей Иванович, которого все здесь звали только по имени: «сеньор Алекс», потому что правильно выговорить его фамилию – «Борисоглебский» – мог только испанец, всю свою сознательную жизнь посвятивший изучению русского языка. Русский профессор был худым, высоким, немного сутулым мужчиной далеко за пятьдесят, с соломенного цвета длинными и густыми выгоревшими волосами, в которых проглядывала седина, и аккуратной академической бородкой того же цвета. Впрочем, возраст не мешал русскому профессору лазать по горам не хуже заядлого альпиниста, и на раскопках он мог дать фору многим студентам, изнеженным городской жизнью. А по вечерам у костра русский профессор частенько брал у кого-нибудь гитару и хрипло горланил свои русские песни, и не знающие русского языка испанские студенты восхищенно внимали ему – им казалось, что они сидят у огня в дикой скифской степи, и уже мерещился блеск кольчуг, рогатых шлемов и зазубренных древних секир...

И вот – удача.

Из разверстого узкого зева пещеры, полускрытого кустами, тянуло затхлостью и прохладой. Отстранив одного из студентов, Алексей Иванович нырнул в низкую дыру, постоял, привыкая к мраку, казавшемуся после яркого полуденного солнца беспросветным, осязаемо плотным. Впрочем, в глубине пещеры уже неярко светили многочисленные налобные фонарики на светодиодах, коими были оснащены все участники экспедиции.

– А, сеньор Алекс! – черноволосый плотный мужчина, с сизо-бритой физиономией, чем-то напоминающей злодея из мексиканских сериалов, приглашающе махнул рукой – Наконец-то, сеньор Алекс, я знал, что нам должно повезти! Настоящие захоронения неандерсов, вы поглядите! Чтоб мне всю жизнь учить тупых гринго в Америке, если это не так!

В глубине пещеры в мягком известняке были выдолблены неглубокие могилы, в которых лежали костяки, густо засыпанные красной охрой. Черепные коробки за тысячи лет были смяты наваленными сверху тяжелыми камнями, но опытный глаз Алексея Ивановича сразу

углядел характерные надбровные дуги. Да, нет сомнения – это неандертальцы. Он уже хотел шагнуть вперед...

– Осторожно! – вскричал профессор Чавес – тут у входа еще один!

И только тут уже привыкшие к сумраку пещеры глаза профессора Борисоглебского углади еще один рассыпавшийся костяк, лежавший прямо на полу пещеры, возле темного пятна в круге камней, очевидно, некогда бывшего костровищем. И у этого неандера был целый – целый! – череп. Удача, какая удача...

Алексей Иванович подошел, осторожно ступая, нагнулся, чуть прикоснувшись пальцами к потемневшей от времени грудинной кости скелета. На пальцах остались красные следы. Охра...

* * *

Стены пещеры дышали сыростью, и казалось, ледяные щупальца мрака тянулись к А-ыху со всех сторон, извиваясь, точно змеи – бесплотные, неуязвимые щупальца бесплотного неуязвимого зверя. Да-да, холод и голод – самые страшные из всех зверей, каких знал А-ых. Любого другого зверя можно убить. Волка, или гиену, или даже могучего медведя. И даже страшного пещерного льва можно убить, если знать, как, и не бояться. И если охотников много, конечно. Но вот голод и холод убить не удавалось еще никому. Их можно только отогнать, ненадолго, но они всегда бродят рядом, на пару, и всегда ждут. Они очень, очень терпеливы, и от них не спрятаться в глубине пещеры, за каменным завалом – они будут караулить тебя столько, сколько потребуется. И рано или поздно убьют.

Хилый костер начал угасать, и черные щупальца придвинулись почти вплотную. А-ых откашлялся, подбросил в костер еще пару сучьев, и огонь жадно набросился на них, вновь разгораясь – огонь тоже знал, что такое голод. Смолистые ветки зашипели, пузырясь смолой, но А-ыху казалось, что это сам ледяной мрак шипит, убирая свои щупальца. Рано, пока рано... Ладно, подождем...

А-ыху вдруг страшно захотелось вывалить в костер весь припасенный хворост разом, чтобы огонь взвился громадным пляшущим цветком, выметая мрак из пещеры наружу. И чтобы стало тепло, как в разгар лета. Пусть на миг, но тепло...

Он вздохнул, взял тяжелое рубило и вновь принялся долбить крепкую землю. Нельзя, нельзя... Этого хвороста должно хватить до конца работы. Конечно, в лесу кругом полно сухостоя и валежника, но А-ых не мог позволить себе такую роскошь – разобрать завал и пойти собирать хворост. Во-первых, за это время огонь в пещере умрет, так как кормить его будет некому, и не так просто развести его вновь. А во-вторых, мало ли кто может шастать вокруг. Всем известно: войти в зимний лес может каждый, а вот выйти – не всегда. И потом, силы охотника убывают...

Огонь снова начал опадать, и А-ых дал ему еще пару корявых сучков. Ешь, ешь... Для тебя пока еды достаточно – вон, какая куча.

Огонь вновь взвился, весело заплясал, и ледяной мрак вновь с сожалением втянул свои щупальца. Зато его собрат, голод, стиснул желудок А-ыха с новой силой, так, что рот наполнился вязкой слюной. И отогнать голод было нечем. Они всегда охотятся на пару, холод и голод. Не один, так другой тебя достанет... Надо спешить. Да, пока есть силы, надо успеть. А-ых откашлялся, сплюнул и вновь принялся долбить грунт, время от времени выгребая сухую известняковую крошку горстями.

Да, хворосту они с У-амом запасли, и огню пока есть чем кормиться. Но вот еды для себя в этот раз достать не удалось. Да и какая охота вдвоем?

Возможно, они сделали глупость, напав на этого кабана. Возможно, следовало поискать добычу попроще, ведь силы у них еще были... А, какая разница! Даже если бы им повезло в этот раз – не повезло бы в следующий.

Собственно, им давно уже было пора перебираться в места, богатые дичью. Туда, где собрались все родичи, люди рода Лиса. Их рода. С тех пор, как позапрошлой весной умерла молодая Ума, они уже просто тянули время. Правда, тогда еще оставалась жива старая Иха, и еще остававшиеся в живых шестеро охотников возвращались по вечерам в пещеру, озаренную светом костра у входа, и было кому починить одежду и обувь, и выделать шкуру, и вымести из пещеры мусор и кости, и зашептать боль в спине... Да мало ли! Женщина всегда женщина. Вот только рожать старая Иха уже не могла. Ничего удивительного – старухе было уже почти тридцать зим, никто из женщин их рода не доживал до такого преклонного возраста. Да, тридцать снежных зим могут искалечить кого угодно, холод отнял у Ихи способность рожать детей. А это значило – их род кончился.

Старый Гыр, самый старый в роду – вот уж ему-то точно стукнуло тридцать зим! – говорил, что раньше, очень-очень давно, много-много зим назад, можно было взять женщину из другого рода. Выменять на что-либо. На десяток тяжелых кремневых ножей-чуриг, или на тушу медведя – в голодное время такие случаи тоже бывали. Или даже на молодого охотника, если в роду невесты ощущался острый недостаток в охотниках. Или хотя бы украсть. На худой конец, два угасающих рода могли просто объединиться и жить в одной пещере, уже через поколение слившись в один род. Конечно, это не очень хорошо, но старый Лис, покровитель рода, наверное, все понял бы и не обиделся.

Да только в последние годы других родов в округе не было. Не было больше людей. Род Оленя угас еще раньше, зим десять назад, род Кабана ушел куда-то на юг и пропал, а род Змея перебили узконосые. Всех перебили, никого не оставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.